

УДК 821.161.1Короленко.09

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МЕСТНОГРАФИЗМА ГРАДОВЕДЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В.Г. КОРОЛЕНКО

Н.Н. Закирова

*Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко,
г. Глазов, 427621, Россия*

Аннотация

В.Г. Короленко биографически был связан с различными регионами России. В его художественном, публицистическом и эпистолярном наследии отразились впечатления от пребывания в столице, в центральных и провинциальных городах. В статье анализируются проявления образности в «городских текстах» писателя-краеведа с позиций социально-литературного дискурса. Короленко представлен как «гений места», художественно воссоздавший детальные «портреты» и эскизы Петербурга, Москвы, Глазова, Симбирска, Полтавы и отразивший в литературе собственный взгляд на топонимы Поволжья: Нижний Новгород, Павлово, Городец, Арзамас («Божий городок»). Анализ градоведческих произведений В.Г. Короленко проводится в сопоставлении с трактовкой локусов в фольклорных источниках, в наследии писателей (И.А. Гончарова, Н.Н. Златовратского, Л.Н. Толстого, П.И. Мельникова-Печерского) и учёных-краеведов (Н.П. Анциферова, С.Н. Дурылина, Н.Е. Меднис и др.). В статье использованы биографический, социологический, культурно-исторический и лингвистический методы анализа литературных произведений писателя в местнографическом аспекте.

Ключевые слова: русская литература, концептуальный анализ, «городской текст», литературное краеведение, В.Г. Короленко

*Светлой памяти
профессора Саратовского университета
Адольфа Андреевича Демченко*

Жизнетворчество В.Г. Короленко являет убедительный и наглядный пример концепции Н.П. Анциферова о существовании писателей с задатками, «с талантом и установками социального историка – то есть краеведа» (см. [1, с. 10]). Красноречиво свидетельство А.П. Платонова: «Самое же важное и постоянно ценное в творчестве Короленко – то, что своё убеждение в прекрасной сущности человека он открыл не интуитивным путём, не придумал, не облёк в образы свою внутреннюю идею... Художественная правда вошла в произведения Короленко из реального большого мира, поэтому она представляет собою исторически долговечную, объективную истину...» [2, с. 145]. Проявлением этой «художественной правды» является не только истина о сущности человека, но и хронотопическая

определённость наследия писателя как один из важнейших признаков его реализма.

Художественный местнографизм является в ряде случаев жанрообразующим фактором для поэтики короленковских этнографических, исторических, документальных, путевых малых эпических жанров: он лежит и в основе циклизации произведений в очерковых книгах о Мултанском деле и помощи голодающим Поволжья, сборнике сибирских рассказов и в циклах очерков о селе Павлово, о поездке по Ветлуге и Керженцу, об уральских, крымских и украинских впечатлениях. Географической широтой, информационной насыщенностью и богатством региональных колоритов отличаются эпистолярный, записные книжки и дневники писателя. Особое место в «художественном краеведении» В.Г. Короленко занимает «городской текст». Этот полидисциплинарный научный термин образован на стыке понятий *пространство* и *текст*. «Городской текст» продуктивно изучался Н.П. Анциферовым [3–4], М.М. Бахтиным [5], Ю.М. Лотманом [6], Н.Е. Меднис [7], В.Н. Тороповым [9]. Правда, изучение короленковского «городского текста» пока незаслуженно обойдено специальным вниманием исследователей, сосредоточенных прежде всего на региональном колорите его произведений.

Проблемы статуса населённых пунктов (например, города Глазова Вятской губернии, села Павлова Нижегородской губернии), архитектурного имиджа, легенд локусов, развития культуры, просвещения, промышленности российской столицы и провинциальных городов, их соотносённости с деревней рассматривались В.Г. Короленко, отдавшим дань увлечению народничеством, в контексте современной ему дискуссии между централистами и сторонниками областничества. Причём взаимодействие реального топонима, образа города и «идеи» в социально-философском дискурсе могло со временем и в зависимости от мировоззренческой позиции автора меняться. Это наглядно подтверждается историей создания произведений, например вектором троекратной идейной переработки с 1878 по 1914 г. очерка о Глазове «Ненасоящий город» (см. [10, 11]).

Столицу в студенческие годы Короленко воспринимал в сугубо культурологическом ракурсе. Наиболее ярко приметы петербургского «литературного мифа» представлены в «Истории моего современника» (1921) в мировосприятии автобиографического героя. Отсюда и восторженное отношение к столице: *Сердце у меня затрепетало от радости. Петербург! Здесь сосредоточено было всё, что я считал лучшим в жизни, потому что отсюда исходила вся русская литература, настоящая родина моей души...* (ИМС, с. 326). «Вечный город» на Неве ассоциировался у юного провинциала с именами Достоевского, Гоголя, Некрасова и Добролюбова, с которыми он, вступая на петербургскую землю, мог иметь счастье «дышать одним воздухом» (ИМС, с. 301). Как же это напоминает анциферовские впечатления студенческой поры от «стольного города русской духовной культуры» (см. [1, с. 19])! Кстати, самым первым из напечатанных В.Г. Короленко в столичной газете «Новости» 7 июня 1878 г. был именно «петербургский текст» в заметке-репортаже «Драка у Апраксина двора» (Д).

Изображение российских окраин с их заштатными городами также выдержано в социально-литературном дискурсе: литературные традиции М.Е. Салтыкова-Щедрина, Г.И. Успенского, Н.Н. Златовратского, П.И. Мельникова-

Печерского влияли на беллетриста в такой же мере, как непосредственные впечатления от пребывания ссыльного студента в Кронштадте, Ярославле, Глазове, Вятке, Перми, Казани, городах Сибири и Поволжья (см. [12–19]).

После сибирской ссылки наступила «эпоха Короленко» в Нижнем Новгороде. Впервые он оказался в нижегородском крае в мае 1879 г. по пути в глазовскую ссылку, во второй раз с пристани Нижнего Новгорода летом 1880 г. Короленко отправляли на барже с арестантами в Пермь. Основное же нижегородское жизнетворчество растянулось на долгие одиннадцать лет – с 1885 по 1896 г.

Первая квартира писателя в Нижнем Новгороде была на улице Варварской, следующие места жительства располагались на Жуковской, Кизеветтерской, Больничной и Канатной улицах. Дома, улицы, где в разное время поселялся Короленко, – это не просто различные адреса местопребывания писателя. Эти топысы являются очагами его биографии и творчества, они обладают «самодовлеющей властью местности над судьбой и сознанием человека» [1, с. 16]. Так, сменив несколько квартир, начиная с очень удручающей его тюрьмы на Варварке, в ноябре 1889 г. Короленко вместе с семьёй обосновался на окраине города, на улице, открывавшейся «одним концом в пустыри и поля... Из окон видна церковь... Затем сады и дома Нижнего, а вдали – полоска Оки и заокские луга и поля» (ППСС, с. 173).

Подобная тяга к местностям с естественными ландшафтными красотами и пейзажами, лишёнными признаков урбанизма, вообще была присуща экогуманисту В.Г. Короленко, постоянно сочетавшему пребывание «по долгу службы» в городах с проживанием в семейном кругу за городом, в деревнях и на дачах.

В нижегородский период В.Г. Короленко исходил и изъездил грады и веси и создал литературные вестулы Поволжья. Особенно повезло в русской беллетристике Павлову Нижегородской губернии. Внимание к нему Короленко проявил вслед за П.И. Мельниковым-Печерским, Н.Н. Златовратским и П.Д. Боборыкиным, и этот интерес был далеко не случаен.

Старейшее село Нижегородской губернии было одним из крупнейших центров кустарной промышленности в России и привлекало внимание деятелей народнического движения, экономистов, социологов, литераторов. «Город рабочих» Н.Н. Златовратского (1885) и «Павловские очерки» В.Г. Короленко (1890) обнаруживают достаточно тесные связи и переклички не только в идейном и фактологическом аспектах, но и в художественном плане (см. [20]).

«С одной стороны, следуя за писателем-народником, Короленко дополняет, уточняет и конкретизирует его наблюдения над бытом и нравами Павлова. С другой стороны, исследуя судьбы кустарного центра в более поздний период, когда уже более отчётливо выявились преимущества фабричного производства, автор “Павловских очерков”, полемизирует со Златовратским. <...> Изображение архитектурных сооружений, как и у Златовратского, у Короленко служат “эмблемами” социального и экономического положения хозяев домов, мастерских и садов. При этом предметы любования в “Городе рабочих” вызывают короленьковскую иронию» [21, с. 224–226].

Преемственная связь между очерками писателей проявляется также в «разделении сфер влияния». Заголовок очерка Н.Н. Златовратского отражает особое внимание автора к «городовому положению» Павлова, определение статуса

селения занимает солидное место в тексте писателя-народника. Короленко лишь упоминает ведущиеся теперь «речи о том, чтобы превратить Павлово в город» (СС9, с. 55).

«Тогда, – прогнозирует он, – замостят центральные улицы, зажгут фонари, длинные кузнецы вынесут за черту “города”, на окраины, и в светлой думской зале скупщики, в полном порядке, поведут речи о нуждах бывшего села кустарей...» (СС9, с. 55).

Здесь, как и в глазовском цикле, писатель формулирует своё представление о необходимых для настоящего города признаках и уделяет, согласно своей «урбанистической интуиции», внимание статусу поселения. Правда, в очерках о Павлове он описывает лишь внешние приметы имиджа «настоящего» города в явно ироничной форме, в какой-то мере стоя у истоков жанра очерка-анти-утопии.

Современный исследователь, давая историческую и социально-экономическую характеристику Павлова, не идёт за народническим беллетристом, поспешившим присвоить селу статус рабочего города, а именует его, как и В.Г. Короленко селом, даже прибегая к новому термину *кластер* при характеристике значения этого кустарного центра в позапрошлом веке: «Торгово-промышленные сёла, центры мощных скоплений промысловых хозяйств одной или смежных специализаций, представляли собой особые экономические и социальные феномены Европейской России XVIII – XIX вв. Значительная часть такого рода промысловых кластеров формировалась и развивалась в контексте крупных оброчных вотчин. Павловский сталеслесарный торгово-промышленный кластер во главе с селом Павловым как его центром – один из наиболее ярких примеров такого рода» [22, с. 24].

Зато именно здесь, на нижегородской земле, миф о «взыскуемом граде», который был знаком В.Г. Короленко по литературным источникам, возник перед писателем в своей географической приближённости (подлинности), в первоизданном фольклорном оригинале и летописном источнике.

В цикле очерков «В пустынных местах», сразу возникшем по итогам путешествия писателя летом 1890 г. по рекам Ветлуге и Керженцу, вслед за П.И. Мельниковым-Печерским Короленко подметил особое место озера Светлояр в поисках народной мечты. Однако восприятие Светлояра и неразрывно связанной с ним легенды о «граде Китеже» у писателей различно (см. [18]). Сближает их только внимание к природе, окружающей Светлояр, которая во многом способствовала возникновению и устойчивому существованию легенды о Китеже в народной среде: «Всё дышит таинственностью, всё кажется ровно очарованным» (роман «В лесах»); «От Светлояра повеяло на меня своеобразным обаянием. В нём была какая-то странно манящая, почти загадочная простота» (очерки «В пустынных местах») (цит. по [18, с. 7]).

Опираясь на «Летописец», созданный в старообрядческой среде, как на письменный источник распространившейся в нижегородском крае легенды о «сокровенном граде», который, по народному убеждению, был на месте нынешнего Городца, на левом берегу Волги, автор цикла конспективно и одновременно образно реконструирует хронологию давних событий: *Известно только, что князь успел скрыть в озере святыне сосуды и церковную утварь,*

а затем погиб в битве. Город же изволением божиим стал невидим; на его месте стала видна вода и лес (ССЗ, с. 130). И тут же Короленко переходит от давно прошедшего к настоящему времени и живописует: *Так и стоит град Китеж поныне у кругленького и чистого, как слеза, озера Светлояра. Скрылись от взора человеческого дома, улицы, боярские хоромы и стены с бойницами, церкви и монастыри, в коих «многое множество бысть святых отец, просиявших житием, яко звёзд небесных или яко песка морского». И кажется нашему грешному, непросветлённому взору один только лесок, да озеро, да холмы, да болотище. Но это только обман нашего грешного естества. В действительности же, «по-настоящему», здесь стоят во всей красе благолепные храмы и золочёные палаты и монастыри... А кто может хоть отчасти проникнуть взором через обманчивую завесу, для того в глубине озера мелькают огоньки крестных ходов и высокие золочёные хоругви, и сладкий звон несётся над гладью кажущихся вод. А потом всё стихает и опять только шепчет дубрава...* (ССЗ, с. 130).

В короленковской интерпретации китежская легенда рассказывает о двух временных пластах (прошлом и настоящем) и о двух ипостасях визуализации-проявленности миров («настоящем, но невидимом» и «видимом, но ненастоящем»), которые, говоря словами самого писателя, «сплетаются друг с другом, покрывают и проникают друг в друга» (ССЗ, с. 130): *Град взыскуемый, Великий Китеж – это город прошлого. Старинный град со стенами, башнями и бойницами, – наивные укрепления, которым не устоять против самой плохонькой мирской пушчонки! – с боярскими хоротами, с теремами купцов, с лачугами простого, «подлого» народа. Бояре в нём правят и емлют дани, купцы ставят перед иконами воску – яровые свечи и оделяют нищую братию, чернядь смиренно повинуется и приемлет милости с благодарными молитвами...* (ССЗ, с. 130).

Писатель воссоздаёт, в том числе на лексическом уровне, и анализирует некую уникальную духовно-материальную среду, мастерство художника-экскурсовода по реально-виртуальному хронотопу, помимо эстетической и просветительской ценности, обладает магией приобщения к невидимому миру высшей духовности. Эта среда как некий магический кристалл, как «око» с краеведческой оптикой во «взыскуемый» Китеж-град: *Ненастоящий, призрачный мир устойчивее истинного. Последний только изредка мелькнёт для благочестивого взора сквозь водную пелену и исчезнет... И опять водворяется грубый обман телесных чувств...* (ССЗ, с. 131). Старообрядцы, находящиеся между двумя мирами, по словам Короленко, всё реже прозревают для мира нездешнего: *Это теперь бывает всё реже и незаметнее* (ССЗ, с. 132). Это драма «пустынных мест» в вере. Органично сочетающийся в очерках с затопленным Китежем образ догорающей свечи прошлого наглядно демонстрирует, что «умирает исконная, старая Русь... умирает тихую смертью, под широким веянием иного духа... Гонения она выдержала. Не может выдержать равнодушия...» (ССЗ, с. 168).

В старообрядческой легенде о Китеже В.Г. Короленко усматривает существенные для ментальности русского человека устремления, что заставляло писателя возвращаться к берегам «святого озера»: *Есть что-то умиленное и для нас в этой легенде... Многие из нас, давно покинувших тропы стародавнего Китежа, отошедших и от такой веры и от такой молитвы, всё-таки ищут*

так же страстно своего «града взыскуемого». И даже порой слышат призывные звоны. И, очнувшись, видят себя опять в глухом лесу, а кругом холмы, кочки да болота... (ССЗ, с. 132). Именно это стремление к вере, к прекрасному, по мысли Короленко, и влечёт к озеру Светлояр массы народа.

Накануне Первой мировой войны, в эпоху кризиса православия, религиозный мыслитель, писатель и искусствовед С.Н. Дурылин тоже был вовлечён в поиск «Града Незримого». В его духовном исследовании о Светлояре – «Церковь невидимого града: Сказание о граде Китеже» (1913) – идёт речь о дифференциации и синтезе духовного и территориального Града, сакрального Места и Духа. Автор усматривал в «невещественном граде Церкви» верховный символ русского народного религиозного сознания и подтверждал свою позицию ссылками на «Летописец», на фольклорные легенды, предания, песни, записанные им самим на озере Светлояр, и на этнографические записки с предисловием В.Г. Короленко (см. [23]). Его теологическая концепция выражена предельно ясно: «Невидимая Церковь невидима нами лишь до тех пор, пока мы не знаем пути к ней. <...> Эта двойственность Китежа неизбежна, ибо двояко бывает отношение к вечно совершающемуся вселенскому чуду – к Церкви. <...> Это всенародное, всех вместе и каждого порознь, нуждение Церкви с живым её ощущением в душе своей составляет весь смысл того, что происходило и донныне происходит около озера Светлояра, у стен невидимого града. Имя там происходящему – опытное искание и религиозное восчувствование церкви в себе и других» [24].

Примечательны как источники для С.Н. Дурылина ссылки на впечатления от посещений этих мест в разное время и трактовки китежской легенды и проблем православной веры Ф. Достоевского, В. Розанова, Д. Мережковского, Вл. Соловьёва, П. Мельникова, З. Гиппиус, С. Меледина, М. Пришвина. Особо он выделяет и цитирует своего предшественника – В.Г. Короленко: «Хождение к Китежу есть хождение к Единой Церкви – общее хождение всех, хранящих Её в себе, утерявших, ищущих Её, враждующих с Ней, но всё равно нуждающихся в Ней последней нуждой... Подтверждение этому известию мы находим в очерке Вл.Г. Короленко, посещавшего те места в недавние годы» [24].

Заметим, что образ Китежа запечатлён не только в очерке, но и в беллетристике Короленко. Рассказ о старом знакомом «Ушёл!» (1902) содержит пример совершения чуда. Разочарованный в жизни старовер Андрей Иванович под влиянием от китежской легенды пробуждается к жизни и отправляется к невидимому городу. Это вызывает у писателя-путешественника потребность признать: *Несомненно во всяком случае, что странное озерко со своими наивными окрестностями, холмами и лесом обладает одним чудесным свойством: над его тихими водами носится тёмная народная мечта, и народная вера вспыхивает над ним ярче, живее и определённое, чем где бы то ни было* (ССЗ, с. 440).

Если путешествие к Светлояру было обращением писателя к старинному, но живучему мифу, то «Отголоски политических переворотов в уездном городе XVIII века (Из балахонской старины)» (1895) явились научным историческим экскурсом в прошлое столетие. В «Божьем городке (Из дорожного альбома)» (1894) совместились седая старина с современностью, мифы и предания с исторической реальностью, открывшиеся автору «дорожного альбома» после посещения печального места, полного «символов мучения, страдания и казней»

(СС8, с. 407). В этом «полуэтнографическом» очерке отразились впечатления Короленко от работы над архивными материалами в Нижегородской учёной архивной комиссии и от «скитаний по нижегородским палестинам» (СС8, с. 504). Совершив поездку в Арзамас в июне 1890 г., писатель-краевед использовал шанс запечатлеть исчезающие реалии живой истории: *Мне говорили в Арзамасе, что сравнительно ещё недавно отлогость горы была густо покрыта этими странными домиками, точно целый город карликов раскинулся против настоящего города, с его огромным собором, стенами, колокольнями монастырей и куполами церквей...* (СС8, с. 399).

Налицо такой композиционный приём, использованный Короленко, как совмещение разновременных пластов. В основе повествовательной структуры изначально заложено взаимоотражение прошлого и настоящего, позволяющее увидеть и оценить явления в разных ракурсах.

К моменту пребывания здесь писателя оставалось всего четыре загадочных домика. Опираясь на документы и устные предания, слухи и легенды, обильно цитируемые для большей достоверности и воспроизведения исторического колорита, в стиле «седой старины», временами переходя на былинный слог и ритм, автор повествует о петровских временах, о погибших стрельцах, о расправах над булавинцами, пугачёвцами и разинцами, о жертвах помещика-душегуба Салтыкова, нашедших свой последний приют именно здесь, в этом скорбном намоленном месте.

Как в других короленковских ведутах, город является не фоном, на котором развёртываются страдания и страсти героев, а главным литературным героем, образом-символом, приобретает особые черты характера, становится равноправным участником действия произведения.

Примечательна избирательность словоупотреблений в нейтральном, в высоком стиле и в фольклорном варианте с использованием уменьшительно-ласкательной формы слов (*город – городок, дома – домы – домики – хижинки – карлики*):

Ранним летним утром с котомкой за плечами я вышел из Арзамаса...

*На юго-восток от **города** передо мной расстилалась отлогая, зелёная гора. Белая церковка городского кладбища приветливо и кротко глядела из-за густо разросшихся над могилами деревьев, а в стороне от кладбища, по скату горы, кое-где изрытой ямами, белели несколько пятнышек... Подойдя поближе, я увидел четыре крохотных **домика** из старинного кирпича, с двухскатными крышами, сильно обомшелыми и поросшими лишаями... На верхушках странных, почти игрушечных **хижинок** стоят кресты, а в стены вделаны тёмные доски икон, на которых лики давно уже свеяны ветрами и смыты дождями...*

*Мне говорили в Арзамасе, что сравнительно ещё недавно отлогость горы была густо покрыта этими странными **домиками**, точно целый **город карликов** раскинулся против настоящего **города**, с его огромным собором, стенами, колокольнями монастырей и куполами церквей... Народ звал это место «божшим **городком**», а теперь, когда **городок** постепенно исчез, остатки зовёт «божшими **городами**»... (СС8, с. 399).*

По контрасту с настоящим городом живых Арзамасом новоиспечённое место казни превратилось в селение мёртвых, начало которому положил в 1708 г. Кондратий Булавин:

Бунтовщиков свозили к Арзамасу. По дорогам стояли виселицы, колья и колеса, и город во время одной из подобных расправ, по словам очевидца-современника, приведённым у Соловьёва, походил на ад: более недели кругом стояли стоны нестерпимых мучений, и хищные птицы носились над местом казни...

А вслед за тем на горе забелели первые домики божьего городка... (СС8, с. 401).

Увеличение количества последних пристанищ усопших «жителей» разрастающегося по численности и территории селения отражается на словообозначении: *И к божьему городу прибавились новые дома!.. (СС8, с. 401).* А далее: *И после каждого движения, точно камни, выкидываемые на отмель бурным приливом, выростали ещё несколько «божских домов» на скате арзамасской горы (СС8, с. 402).*

В дорожном альбоме писателя сохранились рисунки внешнего вида «божских домиков» и их внутреннего убранства. Подобная короленковская графика с изображением пейзажей, интерьеров и ландшафтов пока специально не исследовались, хотя имеет неоспоримую ценность для истории, краеведения и литературы как удачные образцы иллюстративного сопровождения художественных и публицистических текстов самим автором, обладавшим особым «историко-топографическим чувством»¹.

Роль «эпохи Короленко» в истории, культуре Нижнего Новгорода была велика, но и период нижегородского бытования отразился в судьбе самого писателя значимыми итогами. Здесь он женился, обзавёлся семьёй, смог окончательно утвердиться в избранном писательском пути и получить литературное признание. Здесь широко развернулась его общественная, журналистская и литературно-критическая деятельность, проявился дар архивиста (см. [26]). «Нижний Новгород дал мне радушный приём долгих скитаний, и те дружеские связи, которые у меня завязались в этом периоде, заставляют меня вспомнить о нём, как о второй родине», – откровенно писал В.Г. Короленко (цит. по [27]). В этом признании очень явно связаны место и время: название города и «период» сливаются в понятие *родина*. Писатель неслучайно называл себя «почти нижегородцем»².

Сам В.Г. Короленко именовал себя и «горожанином-разночинец» (ЛНТ, с. 335), относил к числу «междуполярных жителей» (ЛНТ, с. 349). Это писатель неоднократно подчёркивал в характеристике наследия Л.Н. Толстого, прибегая к его социологическому анализу именно как градoved. «Взыскуемый град Толстого по своему устройству ничем не отличался бы от того, что мы видим теперь. Это была бы простая русская деревня...» – критически отзывается автор первой статьи «Лев Николаевич Толстой» (1908) (ЛНТ, с. 340). И с этих позиций он усматривает весьма существенный пробел в системе образов его творчества: *Давно уже отмечено, что в произведениях Толстого-художника нашла*

¹ «Интерес к местам имеет весьма древнюю традицию, – отмечал выдающийся русский краевед Н.П. Анциферов. – Посещение тех местностей, где совершались великие события, – старая психологическая потребность... Словно место, озаменованное великим событием, таит в себе способность побеждать время. Нашему восприятию кажется, что места впитали в себя и хранят долю энергии, излучённую памятными событиями... “Здесь это было” – и оживает прошлое. Такова возрождающая сила историко-топографического чувства» [25, с. 323]. (Курсив наш. – Н.З.)

² <http://www.welcomeplaces.ru/ldns-223-3.html>.

отражение вся наша жизнь, начиная от царя и кончая крестьянином. Эти полюсы намечены верно... Между этими крайностями располагается множество персонажей, – аристократия, деревенские дворяне, – много деревенских дворян, – крепостные, дворовые, мужики, – много мужиков... Однако, есть в этой необыкновенно богатой коллекции и один существенный пробел: вы напрасно станете искать в ней «среднего сословия», интеллигента, человека свободных профессий, горожанина, – будь то чиновник на жаловании, конторщик, бухгалтер, кассир частного банка, ремесленник, заводский рабочий, газетный сотрудник, технолог, инженер, архитектор... Родовитое дворянство в произведениях Толстого подаёт руку мужику через головы людей среднего состояния, которые в этом богатом собрании персонажей почти отсутствуют или являются только мельком, без существенных особенностей своего положения, своей психологии и быта (ЛНТ, с. 335).

В.Г. Короленко недоумевает и с большой долей упрёка указывает на то, что великий художник, публицист, моралист и мыслитель, по его мнению, «пропустил»: *... Совсем нет ни самостоятельной городской жизни, ни фабрик, ни заводов, ни капитала, оторванного от труда, ни труда, лишённого не только виноградника, но и собственного крова, ни трестов, ни союзов рабочих, ни политических требований, ни классовой борьбы, ни забастовок... (ЛНТ, с. 339).* Далее читаем: *Город для Толстого – это место, где влюбляется Левин, где Стива Облонский видит во сне своих дамочек и рюмочки, куда деревенские ходоки приходят со своими ходатайствами за разорённых Стивой и его братьями однодеревенцев, куда, наконец, идут на скорую погибель детски-беспомощные деревенские парни и девицы. Но горожанина, как такового, и городской жизни, независимой от деревни, с её особенной самостоятельной ролью в общей жизни великой страны не знает художественное внимание Толстого. В нём всего устойчивее отразились два полюса крепостной России: деревенский дворянин и деревенский мужик. Нашего брата, горожанина-разночинца, чья жизнь вращается между этими полюсами, великий художник не видит, не хочет знать и не желает с нами считаться (ЛНТ, с. 335).* (Между прочим, эта справедливая оценка, впервые зафиксированная в конспективной форме в дневнике В.Г. Короленко 4 июля 1887 г., была включена им в 1908 г. в прижизненную юбилейную статью «Лев Николаевич Толстой»!)

Знатным градоведом проявляет себя В.Г. Короленко в литературно-критической работе «И.А. Гончаров и “молодое поколение”» (1912). В ней, помимо общего анализа мировоззрения и творчества писателя, дана характеристика специфики его родного города: *Симбирск – приволжский город, пристань, но из всех приволжских городов это самый тихий, сонный и застойный. Всякий, ехавший хотя бы в качестве туриста по Волге, наверное, побывал в Нижнем, Казани, Самаре, Саратове... Просто из любопытства, потому что во время продолжительной стоянки парохода там что-то сверкает, гремит, переливается и манит незнакомой и бойкой жизнью. Симбирск спрятался за гору. К нему очень трудно взобраться по огромному и трудному взвозу (изображённому в «Обрыве»), и сам он как будто недоброжелательно и угрюмо желает, чтобы этот беспокойный пароход с толпой суетящихся людей отвалил поскорее, оставив его в спокойной дремоте (Г, с. 331).*

Убедителен развёрнутый местнографический комментарий к романам писателя, в котором Симбирск представлен и как родина романиста, и как источник ранних устойчивых впечатлений, и как оригинал, с которого скопирована Обломовка: *Послеобеденный сон в Обломовке – это поэзия детства самого Гончарова. Правда, он происходил не из дворянской семьи, а из городской, купеческой. Но биографы отмечают, что дом Гончаровых был точная копия обломовской барской усадьбы, а город, где он находился, – Симбирск. <...>*

В этом сонном городе вам укажут, близ Киндяковской роици, бывшую Гончаровскую усадьбу, послужившую моделью для Обломовки, и обрыв, под которым раздавались зловецкие выстрелы Марка Волохова, предвещающая новую полосу русской жизни.

Тут запали в душу Гончарова основные элементы его художественного творчества. С инстинктом крупного художника, он, сын купца, почувствовал, что настоящая родина его дарования – не купеческая лавка, не бойкая пристань, а тихая патриархальная дворянская усадьба, проникнутая насквозь старыми заветами дореформенного строя. В неё он перенёс и свои художественные интуиции, и великую способность изображения, и... свои глубокие симпатии... (Г, с. 331–332).

Как известно, пребывая в Нижнем Новгороде, В.Г. Короленко постоянно просит разрешение на посещение Петербурга и Москвы, но получает отказы, и только в июле 1887 г. признано возможным для него жить в Москве. Петербург же по-прежнему недоступен, разрешены только кратковременные визиты, под бдительным оком вездесущих приставов.

Периоду учёбы в Петровской земледельческой и лесной академии в 1874 г. в подмосковных Выселках посвящены не только страницы «Истории моего современника» (1905–1921), но и два произведения: рассказ «С двух сторон (Рассказ моего знакомого)» (1888–1914) и «Проخور и студенты (Повесть из студенческой жизни 70-х годов)» (1887). В последнем из них есть любопытное «музееведческое» отступление:

Москва – город своеобразный, – это известно всем. Нужно сказать, однако, что это свойство Белокаменной с годами выдыхается: культура проходит и по ней своими нивелирующими влияниями. Конечно, исторические памятники, царь-колокол, царь-пушка, Василий Блаженный остаются на местах, но многие специфические, чисто этнографические особенности Москвы исчезают постепенно и незаметно. Вот, например, в то время, о котором идёт речь, ещё водились на Москве так называемые «мушкетёры».

Происхождение этого романтического войска, исчезнувшего уже всюду в Европе, объяснялось тем обстоятельством, что в цейхгаузах сохранилось много кремнёвых мушкетов, давно вышедших из употребления» (СС4, с. 386).

После нижегородского и московского жизненного и художественного пространства и времени была столица, служба в редакции журнала «Русское богатство». Восприятие Петербурга на этом вираже судьбы писателя и общественного деятеля изменились по сравнению с восторженными студенческими впечатлениями. Своим волжским друзьям он писал с берегов Невы, противопоставляя нижегородскую атмосферу столичной: *...Вы не представляете себе, как мы здесь [в Петербурге] вспоминаем о Нижнем. Для детей это какой-то*

потерянный рай, да и я теперь вижу, что уже, вероятно, не буду окружён такой дружеской атмосферой (ГАНУ, л. 6). В другом письме: *...Очень меня огорчают разные общества, заседания, прения и пр., и пр. Когда кончится мой срок, хочу решительно снять с себя всю эту толчею разных добровольных обязанностей, в которую попал как-то незаметно* (ГАНУ, л. 6).

А вот письмо Короленко П.С. Ивановской из С.-Петербурга конца мая 1898 г.: *Здесь мы застали погоду несколько пасмурную, но всё-таки мягкую и тёплую. Зелень уже роскошная, грузная и тёмная, по улицам пахнет акацией. Чудесно у нас, не очень даже хочется уезжать* (НАПЛМ1).

«И всё-таки из Петербурга нижегородская общественная деятельность В.Г. Короленко казалась “делишками”, – отмечает С.Д. Протопопов, – а столичная работа казалась из скромного Нижнего Новгорода чем-то очень значительным и важным. А вблизи правда высказалась. “Общества, заседания, прения и пр., пр.” оказались удручающей толчей, от которой Короленко сбежал в провинциальную Полтаву» (ГАНУ, л. 6–7).

Приехав в Полтаву, как оказалось, на окончательное постоянное место жительства, Короленко делился в письме к другу С.Д. Протопопову от 30 сентября 1900 г.: *...В Полтаве отлично, весь город точно один сад* (НАПЛМ2). Город на его исторической родине просто восхитил писателя: *Полтава – славный город: тепло, довольно сухо, нет (почти) фонарей на улицах, а в квартирах (по завету Акима Простоты) нет «удобств». Мне лично это всё напоминает моё «Ровно»* [город, где прошла юность писателя – Н.З.], *и потому нравится. Знакомых пока мало, квартира удобная, чувствую себя прекрасно* (П, с. 154).

Став полтавцем в 1900 г., Короленко прожил здесь до 1921 г. Восприятие семьёй нового после столицы места отражено в воспоминаниях старшей дочери писателя Софьи: «После Петербурга с его дождями и туманами Полтава казалась нам новым прекрасным миром» [28, с. 5]. Подробное описание мест жительства писателя в Полтаве и в «летнем гнезде короленковской семьи» – Хатках, информация о его любви к природе и занятиям садоводством даны сотрудницей Литературно-мемориального музея В.Г. Короленко Л.В. Ольховской в международном книжном проекте «Экогуманизм В.Г. Короленко» (см. [29, с. 7–38]).

Удалённость от российского центра не мешала В.Г. Короленко быть в гуще литературно-общественного движения. Так, в 1900 г. он был избран почётным академиком Петербургской академии наук по разряду изящной словесности, а спустя два года (в знак протеста против неизбрания в академию М. Горького) совместно с А.П. Чеховым отказывается от звания академика.

В 1905 г. именно слово В.Г. Короленко удержало Полтаву от еврейских погромов, хотя в Полтавской губернии они прокатились в 52 селениях. А сколько людей ему удалось спасти от казни столыпинских военно-полевых судов 1906–1907 гг. и в гражданскую войну! Миротворец Короленко постоянно ходатайствовал о спасении людей.

В 1909 г. в связи с двухсотлетием Полтавской битвы по просьбе редакции венской газеты «Neue Freie Presse» В.Г. Короленко пишет статью «Полтавские празднества», отмечая:

Скромный губернский город Полтава, расположенный среди степей Украины, готовится стать центром шумных официальных торжеств. В течение

трёх дней 27, 28 и 29 июня старого стиля здесь будут праздновать двухсотлетнюю годовщину знаменитой Полтавской победы, одержанной Петром Великим над шведскими войсками и Карлом XII... <...>

Вот краткий очерк истории и национального значения той даты, которую Россия собирается праздновать 27 июня (старого стиля). Такие праздники полезны, как повод для того, чтобы оглянуться на пройденный путь и наметить линию, идущую от прошлого к будущему. <...>

Петровские реформы и Полтавская победа... Политический застой и позор тяжких поражений на полях Манчжурии... Вот что лицом к лицу встречается на расстоянии двух веков, на полях Полтавской битвы... (СС8, с. 450).

В 1920 г. в письмах из Полтавы к А.В. Луначарскому и М. Горькому В.Г. Короленко разоблачал красный террор, обличал разруху и бесхозяйственность, необразованность и хамство чекистов, выражал мысли о том, что большевики нарушили естественный ход вещей: взаимобмен между городом и деревней, организующую роль буржуазного производства, уважение к закону, к труду, его плодам, к самому труженику, утратили бережное отношение к самой жизни, ведь уничтожение людей стало бытовым явлением (ПП).

Таким образом, обобщая в том числе вышеизложенное, можно сказать, что украинские, петербургские, вятские, уральские, сибирские, волжские адреса жизни и творчества, включавшие, впрочем, и многочисленные иноземные ведугы, требующие специального исследования, позволили ссыльному скитальцу и путешественнику отразить панораму эпох, локусов и этносов, запечатлённую с особой энциклопедической тщательностью и при этом воспринятой и воплощённой с художественным вкусом в образной форме.

В.Г. Короленко был поистине «гением места», оставившим нам паразитические, сочетающие научную локально-историческую точность и ценностно-эмоциональную хронотопическую образность «портреты» человеческих поселений», по которым можно «проникнуть в их существо, понять их “душу”» [4, с. 15]. Для него всегда был важен первоисточник перед его последующими интерпретациями и построенными на их основе обобщениями. Даже в процессе участия в литературной канонизации легенды о граде Китеже писатель органично синтезировал профанное с сакральным.

Начальный эмпирический и следующий за ним теоретический уровни осмысления архивных и собранных в «полевых условиях» данных были у писателя тесно связанными и взаимодополняли друг друга. Воспроизведение исторического материала отмечено серьёзными знаниями, почерпнутыми из научных трудов историков, специалистов в области русского XVIII в., собственной эрудицией, подкреплённой архивными исследованиями.

Оперируя понятиями *время, пространство, общество, человек, культура, история, память* в своих научных и художественных градоведческих исследованиях, практик, теоретик и художник В.Г. Короленко работал и творил в том самом направлении, которое позднее в своих работах продвигали Н.П. Анциферов, М.М. Бахтин, Д.С. Лихачёв, Ю.М. Лотман и С.О. Шмидт, пытаясь построить универсальное представление о социуме, цивилизации, эпохе. Словно ведущий диалог с этими учёными-коллегами через время и пространство из золотого и серебряного веков, В.Г. Короленко оригинально образно выразился

об ответственности, которой «мы, интеллигентные люди, – “вверху стоящие, что город на горе”, – связаны между собою» [30, с. 61].

Воспринимая культурно-географическое пространство города как источник художественной образности, В.Г. Короленко предпринял как художественное, эстетическое отражение, так и формирующийся сегодня в науке современный конвергентный подход в восприятии и осмыслении человека и окружающего его мира. Он внёс заметный вклад в теорию и практику социо-био-гуманитарных сфер и когнитивных стратегий и методов в отечественном краеведении.

Источники

- Д – *Короленко В.Г.* Драка у Апраксина двора // *Новости*. – 1878. – № 144. – 7 июня. – С. 3.
- ИМС – *Короленко В.Г.* История моего современника. – М.: Худож. лит., 1965. – 1054 с.
- ППСС – *Короленко В.Г.* Полное посмертное собрание сочинений. – Полтава: Гос. изд-во Украины, 1923. – Т. 51: Письма: Кн. 2. – 190 с.
- СС3 – *Короленко В.Г.* Собр. соч.: в 10 т. – М.: Гослитизд, 1954. – Т. 3. – 468 с.
- СС4 – *Короленко В.Г.* Собр. соч.: в 10 т. – М.: Гослитизд, 1954. – Т. 4. – 504 с.
- СС8 – *Короленко В.Г.* Собр. соч.: в 10 т. – М.: Гослитизд, 1955. – Т. 8. – 512 с.
- СС9 – *Короленко В.Г.* Собр. соч.: в 10 т. – М.: Гослитизд, 1955. – Т. 9. – 776 с.
- ЛНТ – *Короленко В.Г.* Лев Николаевич Толстой (Статья первая) // *Л.Н. Толстой в русской критике: сб. ст.* – М.: Гослитиздат, 1952. – С. 328–351.
- Г – *Короленко В.Г.* И.А. Гончаров и «молодое поколение» // *И.А. Гончаров в русской критике: Сб. ст.* – М.: Гослитиздат, 1958. – С. 329–340.
- ГАНО – *Протопопов С.* О Короленко: рукопись // Государственный архив Нижегородской области: Коллекция автографов. Ф. № 1825, оп. № 1 дел постоянного хранения за 1714–1929 гг. Ед. хр. 137. Л. 6–7.
- НАПJM1 – Письмо В.Г. Короленко к П.С. Ивановской из С.-Петербурга (конец мая 1898 г.) // Научный архив Полтавского литературно-мемориального музея, № 101.
- НАПJM2 – Письмо В.Г. Короленко к С.Д. Протопопову от 30 сент. 1900 г. // Научный архив Полтавского литературно-мемориального музея, № 115.
- П – *Короленко В.Г.* Письма. 1888–1921 / Под ред. Б.Л. Модзалевского. – Пб.: Время, 1922. – 352 с.
- ПП – *Короленко В.Г.* Письма из Полтавы. – URL: http://az.lib.ru/k/korolenko_w_g/text_1919_pisma_iz_poltavy.shtml, свободный.

Литература

1. *Московская Д.С.* Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 431 с.
2. *Платонов А.П.* В.Г. Короленко // *Платонов А.П.* Размышления читателя. Статьи. – М.: Современник, 1980. – С. 140–145.
3. *Анциферов Н.П.* Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Быль и миф Петербурга: репринт. воспроизв. изд. 1922, 1923, 1924 гг. – М.: Книга, 1991. – 420 с.
4. *Анциферов Н.П.* Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – 581 с.

5. *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – С. 297–325.
6. *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллин: Александра, 1992. – Т. II. – С. 9–21.
7. *Меднис Н.Е.* Сверхтексты в русской литературе: спецкурс. – Новосибирск: НГПУ, 2003. – URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35>, свободный.
8. *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс: Культура, 1995. – 624 с.
9. *Топоров В.Н.* Петербургский текст. – М.: Наука, 2009. – 819 с.
10. *Гущина Н.Н.* В.Г. Короленко и литературное народничество (1870–1880-е гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 16 с.
11. *Закирова-Гущина Н.Н.* О провинциализме В.Г. Короленко // Третьи Стахеевские чтения: материалы Междунар. науч. конф. (Елабуга, 28–29 июня 2007 г.). – Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008. – Т. 1. – С. 352–361.
12. *Гущина Н.Н.* В.Г. Короленко в литературно-общественном движении 1870–1880-х гг. – Глазов: ГГПИ им. В.Г. Короленко, 1992. – 93 с.
13. *Закирова Н.Н.* Концептообразующие особенности образа провинциального города в «глазовском цикле» В.Г. Короленко // Вторые московские Анциферовские чтения: Сб. ст. по материалам Междунар. конф., посвящ. 140-летию В.Д. Бонч-Бруевича. – М.: Гос. лит. музей: Три квадрата, 2014. – С. 364–372.
14. *Закирова Н.Н., Чиговская-Назарова Я.А.* Местнографизм концепта «провинциальный город» в «глазовском цикле» В.Г. Короленко // Казан. наука. – 2014. – № 5. – С. 115–117.
15. *Изергина Н.П.* Писатели в Вятке: литературно-краеведческие очерки. – Киров: Волго-Вят. кн. изд-во, 1979. – 192 с.
16. *Иванова О.И.* Влияние якутской действительности на эволюцию константных мотивов в творчестве В.Г. Короленко. – Якутск: Изд. Дом Северо-Восточного фед. ун-та, 2013. – 143 с.
17. *Иванова О.И.* Концептообразующие особенности образа Амги в «Истории моего современника» В.Г. Короленко // Наука, просвещение, искусство провинции в социокультурном пространстве: Девятые Короленковские чтения: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию юбилею В.Г. Короленко. – Глазов: ГГПИ им. В.Г. Короленко, 2013. – С. 99–102.
18. *Курдин Ю.А., Кудряшов И.В.* «Китежская легенда» в интерпретации В.Г. Короленко («В пустынных местах») и П.И. Мельникова-Печерского («В лесах») // Короленковские чтения: Тез. докл. науч.-практ. конф. – Глазов: ГГПИ им. В.Г. Короленко, 1996. – С. 6–9.
19. *Макарова Е.А.* Формирование образа Сибири в творческом сознании В.Г. Короленко // Сиб. филол. журн. – 2008. – Вып. 2. – С. 68–76.
20. *Гущина Н.Н.* К вопросу о влиянии Н.Н. Златовратского на творчество В.Г. Короленко // Литературные связи и литературный процесс: Докл. Всерос. межведом. науч. конф. – Ижевск: УдГУ, 1991. – С. 96–99.
21. *Закирова Н.Н.* Нижегородские тексты В.Г. Короленко и Н.Н. Златовратского // Нижегородский текст русской словесности: Межвуз. сб. науч. ст. / Отв. ред. В.Т. Захарова. – Н. Новгород: НГПУ, 2011. – С. 223–227.
22. *Верняев И.И.* Реформа 1861 г. в торгово-промысловом селе: село Павлово Нижегородской губернии. Часть 2-я // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: История. – 2012. – Вып. 4. – С. 3–30.

23. *Хохлов Г.Т.* Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». – СПб.: Герольд, 1903. – 112 с. – (Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по отд-нию этнографии; Т. XXVIII, Вып. 1)
24. *Дурьлин С.Н.* Церковь невидимого града. – URL: <http://www.sostoyanie.ru/2010-03-31-19-22-05/2010-03-31-19-22-43/330-2013-02-22-17-41-41.html>, свободный.
25. *Анциферов Н.П.* Краеведный путь в исторической науке (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. – 1928. – № 6. – С. 321–338.
26. *Фортуатов Н.М.* Короленко в Нижнем Новгороде. 1885–1896. – Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1986. – 158 с.
27. Короленко в Нижнем Новгороде. – URL: <http://www.welcomeplaces.ru/ldns-223-1.html>, свободный.
28. Полтавский государственный литературно-мемориальный музей В.Г. Короленко: путеводитель / Сост. Л.К. Гейштор. – Харьков: Изд-во Кн. палаты УССР, 1955. – 91 с.
29. *Ольховская Л.В., Иванова О.И., Закирова Н.Н., Скопкарёва С.Л., Труханенко А.В.* Экогуманизм В.Г. Короленко. – Львов: Сполом, 2015. – 168 с.
30. *Короленко В.Г.* Глушь // Короленко В.Г. Собр. соч.: в 5 т. – М.: Мол. гвардия, 1960. – Т. 3. – С. 5–64.

Поступила в редакцию
20.11.15

Закирова Наталия Николаевна, кандидат филологических наук, профессор кафедры русского, удмуртского языков, литературы и методики преподавания

Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко
ул. Первомайская, д. 25, г. Глазов, 427621, Россия
E-mail: natnik50@rambler.ru

ISSN 1815-6126 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2016, vol. 158, no. 1, pp. 37–52

**Conceptualization of the Local Aspect
of V.G. Korolenko's Heritage of Urban Descriptions**

N.N. Zakirova

V.G. Korolenko Glazov State Pedagogical Institute, Glazov, 427621 Russia
E-mail: natnik50@rambler.ru

Received November 11, 2015

Abstract

The life of V.G. Korolenko was connected with different regions of Russia. His artistic, journalistic, and epistolary heritage reflects his impression from visits to the capital, central cities, and provincial towns. The paper reviews manifestations of the imagery in “urban texts” of the local author from the point of social and literary discourse. V.G. Korolenko is characterized as a “genius of locality”, who artistically created detailed “portraits” and sketches of St. Petersburg, Moscow, Glazov, Simbirsk, and Poltava. The writer also expressed his own view on various toposes of the Volga Region in literature: Nizhny Novgorod, Pavlovo, Gorodets, and Arzamas (“God’s town”). V.G. Korolenko’s literary works devoted to urban description are analyzed using the comparative approach rather than separately:

by contrast with the understanding of loci in folklore, as well as works of other writers (I.A. Goncharov, N.N. Zlatovratskii, L.N. Tolstoi, and P.I. Melnikov-Pecherskii) and regional ethnographers (N.P. Antsiferov, S.N. Durylin, N.E. Mednis, etc.). Biographical, sociological, historic-cultural, and linguistic methods are used in the paper for analysis of the author's literary works in the local aspect.

Keywords: Russian literature, conceptual analysis, "urban text", literary local studies, V.G. Korolenko

⟨ **Для цитирования:** Закирова Н.Н. Концептуализация местнографизма градоведческого наследия В.Г. Короленко // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2016. – Т. 158, кн. 1. – С. 37–52. ⟩

⟨ **For citation:** Zakirova N.N. Conceptualization of the local aspect of V.G. Korolenko's heritage of urban descriptions. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 1, pp. 37–52. (In Russian) ⟩